

*Бейшеналиева Б.А., Шаповалов В.И.***«КОТОРМОЧУНУН ТИБИ» ТҮШҮНҮК ТУУРАЛУУ
ЭКСПЛИКАЦИЯ МАСЕЛЕСИНЕ КАЙРЫЛУУ***Бейшеналиева Б.А., Шаповалов В.И.***К ПРОБЛЕМЕ ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ
«ТИП ПЕРЕВОДЧИКА»***B.A. Beishenalieva, V.I. Shapovalov***TO THE PROBLEM OF EXPLICATION OF THE
CONCEPT «TYPE OF TRANSLATOR»**

УДК: 81-1:81'25

Кыргыз поэзиясы орус тилине которулган тууралуу жана ХХ кылымдын улуттук адабиятынын курамында маданий өзгөчүлүктөр тууралуу суроолор коюлуп жатат. Макаланын авторлору алардын ичинде чегин чыгаруу жана социал-маданий өзгөрүүлөргө калыптанган тарахый жолдорду көрсөтүшкөн. Макалада көрсөтүлүп жаткан “Котормо тиб” түшүнүккө кайрылсак 1950-жылдарынан тарта баишталып жатат. Мисалы, ар бир адабий дискурсу дүйнөлүк коомчулукка чыгып жатса шайкеш реципиентке жана интерпретаторго басым жасайт. Бул жерде макаланын авторлору жаралып жаткан “ага котормочу” инсанын аксеологиялык аспекти көрсөтүшкөн, ал Кыргыз Республикасынын элдик оозеки адабиятынын негизинде котормочулук чеберин алдыга коюлган. Макаланын негизинде тарыхый процессинде пайдаланып жаткан котормочулардын типтери жана аларга таянычтуу адабият ыкмалары көрсөтүлгөн. Изилдөө котормочулардын арасында окшоштуктарын бирдикте жана айырмаланычуу спецификаларына чек коюлган, ошол негизинде “котормо тиб” түшүнүк жаралган.

Негизги сөздөр: кыргыз поэзиясы, доорлор, котормо, орус котормочулар, котормо тиб, котормочунун элеси, адабий маданияты.

С позиций перевода кыргызской поэзии на русский язык ставится вопрос о формировании определенных типов поэтического перевода в составе национальной литературы в связи с особенностями культурной истории и литературного процесса ХХ в. Авторами предпринимается попытка обозначить границы между ними и выявить векторы исторического движения, которые подвергаются значительным трансформациям, обусловленные социокультурными факторами. Типологическое обоснование понятия «тип перевода», как показано в статье, берет начало в 1950-е гг. Например, каждый литературный дискурс в процессе выхода мировое сообщество ищет адекватного реципиента и интерпретатора, в этом заключается ее важнейшее аксиологическое предназначение. Здесь авто-

ры выявляют аксиологический аспект формирования личности предпереводчика как хранителя нравственных ценностей ориентиров, который выдвигался как основа истории перевода в Кыргызстане на материале фольклора и литературы.

Ключевые слова: кыргызская поэзия, периодизация, перевод, русские переводчики, тип перевода, фигура переводчика, литературная культура.

From the standpoint of translating Kyrgyz poetry into Russian, the question is raised of the formation of certain types of poetic translation as part of national literature in connection with the peculiarities of the cultural history and literary process of the 20th century. The authors attempt to identify the boundaries between them and to identify the vectors of historical movement that undergo significant transformations due to sociocultural factors. The typological substantiation of the concept of “type of translation”, as shown in the article, dates back to the 1950s. For example, each literary discourse in the process of leaving the world community is looking for an adequate recipient and interpreter, this is its most important axiological designation. Here, the authors reveal the axiological aspect of the formation of the personality of a pre-translator as a keeper of moral value orientations, which was put forward as the basis of the history of translation in Kyrgyzstan based on folklore and literature.

Key words: kyrgyz poetry, periodization, transfer, russian translators, type of translation, the figure of a translator, literary culture.

Если в 1946 году подлинным событием в культурной жизни стало издание перевода эпоса “Манас”, то в 1957-м в свет вышла уже “Антология киргизской поэзии” [1], и здесь важен не столько самый факт появления антологии, сколько то, что кыргызская поэзия усилиями переводчиков была представлена в ней в исканиях, в исторически сложившемся многообразии видов: раздел “Устная поэзия” – фрагменты из “Манаса”, “малые” формы эпической поэзии, лирико-

эпические поэмы, народная лирика; затем шло творчество акынов – это письменники XIX–XX веков, народные певцы и, наконец, киргизская советская поэзия. Как “Манас” для 40-х, “Антология” стала в 50-е годы весомым свидетельством потенциала киргизской поэзии, и национального переводоведения, демонстрацией эволюции переводческих принципов.

Не следует думать, что становление принципов эволюции перевода шло в пределах восходящей. Цепь литературных процессов в их историческом соотношении показывает, насколько много было экстенсивного в переводе; 50-е годы тоже входят в этот «круг». Именно это десятилетие привнесло новое и в состав типов перевода и переводчиков.

Традиции, заложенные в переводе “Манаса”, к большому сожалению, не получили вовремя оценку и поддержку со стороны литературоведов художественного перевода и не зафиксировались в дальнейшей переводческой истории: в актуальном сегодня и в структурно сложном переводческом деле образ переводчика, выступающий как предмет исследования выглядим не так отчетливо.

Будучи одним из факторов создания и развития национальной литературы, перевод в Кыргызстане в этот период подвергся значительной трансформации как собственно его творческих функций, так и социокультурного содержания. Впервые выдвигая эту проблему, мы считаем актуальной постановку следующих вопросов:

- Какую стадию литературной культуры обслуживает тот или иной тип перевода?
- Какой тип творца формируется этим типом перевода?
- В какой степени эта идентификация применима к стадиям эволюции кыргызской поэзии XX века в трансляциях на русском языке?
- Какие задачи развития национальных культур выполняет исторически вычленимый тип перевода?
- Куда направлен вектор перевода?

Ответ именно на последний вопрос связан с тем, что есть переводчики вовне и есть переводчики извне. Перевод с кыргызского языка и есть перевод вовне, в большой мир.

В качестве «творца» такового в истории культуры предстает, условно говоря, переводчик – стихийный полифункционал. Это разведчик, торговец, дипломат, исследователь, переводчик-открыватель, культуртрегер – не суть важно, дилетант или профессионал. Применительно к специфике культурно-исторического процесса – проявляется такой тип специфического переводчика-культуртрегера: это, к примеру,

русский офицер, казах (путешественник и представитель спецслужб российской империи) Шокан Уалиханов (Чокан Валиханов) или известный ученый-востоковед, российский академик Вильгельм Радлов. Здесь же присутствует тип переводчика-просветителя «извне» (Белек Солтоноев, Осмоналы Сыдыков). Это переводчики-открыватели (распространенный тип в мировой истории), пропагандисты эпического наследия кыргызов.

Это может быть переводчик - «пересказчик», адаптирующий сопутствующие литературные контексты. Это С.И. Липкин как создатель варианта в иной жанровой стилиевой системе (автор «Манаса Великодушного») или Мар Байджиев как создатель своей сценографии героев и/или русского стиха – четырехстопного ямба – применительно к текстам эпоса и др., или даже авторы произведений, посвященных «Манасу» (отдельные стихотворения А. Кабанова «Манас», А. Вознесенского «Песня акына», в особенности поэма В. Шаповалова, единственная в мире значительная по жанру вещь о сказителях эпоса – «Рождение манасчи»).

Отдельную традицию, идущую от античности, представляют переводчики-академисты (Е. Поливанов, М. Бахтин и др.). Иной профессиональный тип – исполнитель межгосударственных культурных проектов перевода (см. турецкие, финские, английские и др. переводческие инициативы). Особое место занимает переводчик – поэт и ученый, в равной степени сочетающий научно-аналитические и творческие задачи и методы (Октавио Пас, М.Л. Гаспаров, М.А. Рудов, В.И. Шаповалов) – «художник», профессиональный литератор, исполняющий те или иные конкретные издательские задачи.

В последнее время сформировался тип переводчика как героя литературного произведения, как объекта творческой самооценки автора либо переводчика. Такова имеющаяся в активе русской литературы «большая проза»: С.Липкин «Декада. Повесть», Л.Улицкая «Даниэль Штайн, переводчик. Роман», Чижов «Перевод по подстрочнику. Роман», Феликс Розинер «Некто Финкельмайер» и др. Такова также имеющаяся в русской лирике значительная традиция, где перевод – «герой» повествования: А. Пушкин, А.Фет, А. Тарковский («Ах, восточные переводы, как болит от вас голова ...»), Л. Мартынов, Б. Слуцкий, В.Шаповалов и др.

Переводчик в конкретных рамках, предугадывающих его действия: режиссер, сценарист, постановщик и др.; в зависимости от того, что ожидается на выходе переводческого труда – новый транслат или,

напротив, трансмутационный конструкт? Так, к примеру, опера «Евгений Онегин» есть трансмутационное перевоплощение текста одноименного романа в либретто, музыку, сценографию и т.д. Противоположный пример – горьковская концепция мегаперевода и сам дискурс переводной: целые поколения писателей – участники массового транслята (многонациональная литература, существующая как спектакль перевода).

Все представители этой типологии присутствуют в истории киргизской литературы, и это немаловажно.

1. В зависимости от того, в какой литературной ситуации и на какой стадии соприкасающихся национальных сообществ оказывается нужда в передаче специфической информации, и формируется характер перевода, закрепляемый непосредственно формирующимся типом переводчика.

2. В художественном (историко-литературном, культурно-коммуникативном) процессе, переводчик выступает как исполнитель многовековой общественной миссии, в пределах непосильных обстоятельств, которые он застает уже устоявшимися: степень проекции его родного языка, воля и безволие переводческих традиций в литературе, отличительные черты в условиях жизни (географических, бытовых, культурных, политических и т.д.), которые влияют на восприятие читателя.

Все это свидетельствует о том, что с 1932 по 1941 годы киргизская поэзия в переводе на русский язык в совокупности с литературой страны прошла интенсивный процесс консолидации творческих ориентиров, сложение системы ценностных сил творческого прогресса – выбора концепции переводческого обновления, первых переводческих шагов, первых литературоведческих и культурных обоснований, в русле которых устанавливается прагматический и маркированный выбор средств и форм создания инонациональной поэтики – и формирование, в русле основных устремлений, переводческий метод.

Чтобы ощутить несомненную выгоду разносторонней преемственности в переводческом деле, следует разграничить те переводческие устремления, которые констатировали направленность процессов, позже, начиная с 50-х годов. Такого рода разграничение, которая представила бы «силовые линии» переводческих векторов, не осуществлялось. Отмечается оправданным складывающийся в советском переводе в последнее время традиция, при которой фигуру переводчика следует определять по степени профессиональности.

Среди профессиональных, или постоянных переводчиков, констатирует П.Тороп [2] выделяются “все-переводчики”, переводчики с одного языка, переводчики только одной литературы или литературной эпохи и переводчики только одного автора.

Это применительно к истории киргизско-русского перевода (чрезвычайно показательно замечание, оброненное академиком М.Л. Гаспаровым (в одном из его рецензентских отзывов в университетских контактах в КР), согласно которому результаты безвестного переводчика порой бывают перспективнее, чем стилизации знаменитого поэта.

Значение в истории многих официальных документов должно прочитываться здесь, прежде всего, как знаковое в условиях зарождающейся литературной культуры, напр., в 20-е годы. Формально это 1922-1932 (начало записи К.Мифтахомовым текста эпоса “Манас”) – уникальный микроэтап рождения интенсивной практики внутрилингвистического перевода (перевода устного киргизского текста на письменный киргизский текст).

Рассмотрение творческой типологии «исполнителей», в данном случае типов русскоязычных переводчиков в Кыргызстане, на начальном этапе межкультурной интеграции определяется типом принимающей (киргизской) культуры и ее требованиями к информационному обеспечению через перевод.

Такое обеспечение (вне понимания цеховой якобы чисто переводческой принадлежности) осознавали как свою задачу в числе других стихийные историки-философы, просветители киргизского народа Осмоналы Сыдыков и Белек Солтоноев. Передачу инокультурных духовных знаний они совершенно справедливо интуитивно воспринимали как своего рода переводческий процесс. Так, Б. Солтоноев и О. Сыдыков переводчики-просветители – тип, ведущий начало от Св. Иеронима, «покровителя переводчиков», творца перевода Вульгаты (Библии с латыни). Это переводчики и пропагандисты духовно-исторических материалов и исследователи. Создававшееся ими не есть вербализованная целостность, но это – пересоздание, локализация смыслов, перенос знания.

Исходя из поставленной цели скопос-теории, переводчик (возможно и неосознанно) выбирает способ перевода, отклоняющийся от оригинала или пренебрегающий его авторским содержанием. Бывают и случаи, когда оригинал вообще утрачивается и переводчик создает индивидуальный творческий текст, под влиянием цели или рекомендации заказчика. Таким образом, фигура переводчика выступает как центральная в языковой коммуникации.

Тем не менее можно квалифицировать как своего рода переводческий просветительский подвиг такое стремление воссоздать обоими историками материалы, заимствованных из древних письменных культур, и привнести эти духовные знания в образовательную сферу кыргызской культуры в период ее трансформации в письменную. Позиция эта представляется вполне справедливой, если иметь в виду современную теорию перевода, где такого рода передача информации определяется в рамках так называемой теории «скопос» (концепция перевода К. Райс и Х. Фермеера: скопос – цель), утверждающий, что перевод – это, в первую очередь, вид прагматической работы, а успех в любой деятельности отождествляется тем, как она достигает установленной цели. А цели могут быть разноплановыми, и тем самым результаты (тексты) перевода могут принципиально отличаться друг от друга. При этом, неважно, насколько адекватен или близок к первоисточнику, коль скоро он подходит к своей цели.

В последующем этот процесс приобрел полноценное значение творческого обогащающего заимствования. Так, О. Ибраимов убедительно акцентирует внимание на том, что «специалисты много раз и с точностью до совпадений жанра и мотивов доказали, что Касым (К.Тыныстанов. – Б.Б.) и в собственном литературном творчестве опирался на известные литературные образцы, темы и идеи мировых классиков. Причем это практиковал не только он, но и все начинающие кыргызские писатели поэты того времени, и это было благом. Это называлось учебой классиков, поиском своих путей в литературе. Собственно, заимствование – основной и наиболее плодотворный путь развития искусства» [3].

Соответственно исследователь отмечает, что «значение переводов ограничивается не только этим.

Благодаря переводам сам кыргызский язык испытывал огромное напряжение внутреннего роста. Он впервые запестрил множеством заимствованных слов, калькированными выражениями, синтаксическими конструкциями, пришедшими из арсенала русского языка. Это произошло примерно в военное и послевоенное время, когда кыргызский художественный перевод вступил в стадию профессиональной зрелости» [3].

Каждый литературный дискурс в процессе выхода мировое сообщество ищет (в широком смысле) адекватного реципиента и интерпретатора, поскольку литература стремится к человеку, и в этом ее важнейшее аксиологическое предназначение.

Именно таков и аксиологический аспект формирования личности предпереводчика как хранителя нравственных ценностных ориентиров, который выдвигался как основа истории перевода в Кыргызстане на материале фольклора и литературы.

Таким образом, применительно к истории формирования переводческой деятельности в Кыргызстане, следует рассматривать как своего рода «рисковый» период становления и закрепления сложившейся литературной ориентации перевода и типа переводчика как творческой личности в культурном процессе.

Литература:

1. Антология киргизской поэзии. - М.: Гос.изд-во художественной литературы, 1957. - 442 с.
2. Тороп П.Х. Принципы построения перевода // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей: тр. по русс. и славянск. Филологии. - Тарту, 1979. - С. 120-138.
3. Ибраимов О. История кыргызской литературы XX века. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. - 544 с.

АВТОРЛОР ТУУРАЛУУ МААЛЫМАТ

Каракеев Таалайбек Тултемирович, Ж.Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, физика жана математика илимдеринин доктору, профессор.

Бугубаева Жумгалбубу Тукеновна, Ж.Баласагын атындагы Кыргыз улуттук университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, ага окутуучу.

Боронбаев Эркин Капарович, Н.Исанов атындагы Кыргыз мамлекеттик курулуш, транспорт жана архитектура университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, техника илимдеринин доктору, профессор.

Холматов Камолиддин Нуридинович, Н.Исанов атындагы Кыргыз мамлекеттик курулуш, транспорт жана архитектура университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Каримов Эркинбек Машанович, М.Адышев атындагы Ош технологиялык университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы, техника илимдеринин кандидаты, доцент.

Дуйшеев Сатыбалды Дуйшеевич, М.Адышев атындагы Ош технологиялык университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы, техника илимдеринин кандидаты, профессор.

Эркали уулу Убайдилла, М.Адышев атындагы Ош технологиялык университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы.

Салиева Каныкей Бердалиевна, Кыргыз-Түрк «Манас» университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, магистрант.

Өзбекова Жылдызай Эрназаровна, Кыргыз-Түрк «Манас» университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы доцентин м.а., PhD.

Ташполотов Ысламидин, Ош мамлекеттик университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы, физика жана математика илимдеринин доктору, профессор.

Жогашиев Нурлан Тилекович, И.Раззаков атындагы Кыргыз мамлекеттик техникалык университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, окутуучу.

Титова Юлия Александровна, Кыргыз илимий-изилдөө ирригация Институту, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, ага илимий кызматкер.

Абдыганиев Нурудин, Ош мамлекеттик университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы, биология илимдеринин кандидаты, доцент.

Белов Георгий Васильевич, Ош мамлекеттик университети, Ош шаары, Кыргыз Республикасы, медицина илимдеринин доктору, профессор.

Шералиева Эльзат, Кыргыз-Түрк «Манас» университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, магистрант.

Бобушова Сайкал, Кыргыз-Түрк «Манас» университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, биология илимдеринин кандидаты.

Аманкулова Айтбу Абдыманаповна, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Дулатов Абдухамид Юрьевич, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Макимбетов Эмил Кожошович, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, медицина илимдеринин доктору, профессор.

Раимкулов Курсанбек Мамасалиевич, И.К. Ахунбаев атындагы Кыргыз мамлекеттик медициналык академиясы, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, биология илимдеринин кандидаты.

Райымбекова Бегимай Райымбековна, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Сулайманкулова Жаныл Чалгыновна, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Токтаналиева Адела Нурлановна, Б.Ельцин атындагы Кыргыз-Орус Славян университети, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Третьякова Наталия Владимировна, Кыргыз Республикасынын Саламаттык сактоо министрлигине караштуу Адамды репродукциялоо кыргыз илимий борбору, Бишкек шаары, Кыргыз Республикасы, аспирант.

Кармышев Азат Омуркулович, Кыргыз Республикасынын Саламаттык сактоо министрлигине караштуу Адамды репродукциялоо кыргыз илимий борбору, Бишкек шаары, КР, медицина илимдеринин кандидаты.

Рыскельдиева Виктория Турарбековна, Кыргыз Республикасынын Саламаттык сактоо министрлигине караштуу Адамды репродукциялоо кыргыз илимий борбору, Бишкек шаары, КР, медицина илимдеринин доктору, улук илимий кызматкер.